

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Страх
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465355

Аннотация

«...Но стоял среди живых фасадов мертвый дом, со слепыми пятнами стекол. Темные окна его были запылены, и двери подъезда с заржавленными петлями заперты наглухо.

Дом был необитаем. Десятками лет его не занимал никто. Этот покинутый дом на самой оживленной петербургской набережной был населен привидениями...»

Иван Созонтович Лукаш

Страх

Петербуржец вспомнит тот дом на набережной Васильевского острова, против Николаевского моста. Набережная, вымощенная булыжником, начинала здесь спускаться к Кронштадтским пристаням и пристаням «Виндава-Либава». На спуске, за решеткой, была на берегу водопойная будка для ломовых битюгов, а к деревянному плоту, о который билась Нева, подлетала иногда шлюпка с матросами, может быть, с «Полярной звезды» или серых миноносцев, стоявших у Балтийских верфей, смутно видных в синеватом невском тумане. Гребцы разом поднимали весла, как сильные крылья, и матрос ловко прыгал с причалом на качающийся плот.

За Кронштадтскими пристанями, вдоль набережной, громоздились под брезентами бочки и мешки. Булыжники здесь были в пятнах темного масла, здесь пахло кокосом, пенькой, брезентом, как на набережных всех портовых городов.

А вот трехэтажный дом, против Николаевского моста, крашенный в желтую краску, был казарменной стройки времен императора Николая Павловича. Рядом с ним, направо, как вспомнит каждый петербуржец, был на углу конфетный магазин «Бликкен и Робинзон». А налево, на углу 5-й линии, где был образ за решеткой и стоял газетчик, вспомнит петер-

буржец и другой магазин шоколада – «Конради».

В том же косяке домов на набережной, рядом с желтым домом, был дом, крашенный коричневой масляной краской, со шляпным магазином и табачной внизу. В девятисотых годах там продавались папиросы «Соломка», с очень длинными мундштуками. Все здесь было как всюду в живых городах.

Но стоял среди живых фасадов мертвый дом, со слепыми пятнами стекол. Темные окна его были запылены, и двери подъезда с заржавленными петлями заперты наглухо.

Дом был необитаем. Десятками лет его не нанимал никто. Этот покинутый дом на самой оживленной петербургской набережной был населен привидениями.

В привидения дома против Николаевского моста верили я, и мои сестры, и наши знакомые, все те простые петербургские люди, среди которых я рос.

На глухом дворике булыжники заросли сорной травой, темный крапивник шуршит у стен, как на кладбище. Прогнили доски у дворцовых крылец, железная крыша проскважена ржавчиной. Пыльные окна с побитыми стеклами смотрят темно и зловеще.

Не знаю, как я осмелился с храбрецом Ленькой забраться на двор заколдованного дома.

Стоял солнечный день. На Неве ворковали пароходные гудки. Полязгивала от трамваев и ломовиков набережная. По Николаевскому мосту с музыкой шли солдаты, вероят-

но, Финляндского полка, сменять в Зимнем дворце караулы. Как натянутая струна, звенел, дышал за околдованным двориком громадный живой Петербург. А здесь была такая вымершая, такая ужасная тишина, запустение смерти и нежить, что мы оба кинулись бежать.

Два подростка с перехваченным дыханием, без кровинки в лице мчались по линиям Васильевского острова. И очнулись от страха только у барок с сеном, на Малой Невке.

Это было в самом начале девятисотых годов. Тогда мои сестры носили шляпки с птичьими перьями, с целыми птичками, у которых блестели стеклянные коричневые глазки, и жакеты с пуфами вверху рукавов. Я спрашивал моих сестер, какое привидение показывается в желтом доме, против Николаевского моста.

Они ответили: *кто-то*. Никто не знал, какое, и все говорили – *кто-то*. Это – *кто-то* – было страшнее всего.

Я ничего не вымышляю. Я только вспоминаю те необычайно тихие девятисотые годы – мое детство – и тот совершенно безмолвный страх перед чем-то смутным и ожидаемым, которым охвачены были все, кого я знал.

Любой петербуржец вспомнит, что, кроме дома-нежити у Николаевского места, на том же Васильевском острове, в кадетском корпусе, на 1-й линии, показывался, как рассказывают, маленький белый кадетик. В морском корпусе, на 2-й линии, тоже было свое привидение – будто бы солдат с потемневшим лицом.

Был призрак и в Академии художеств: там, в темени коридоров, явился один из строителей Академии с веревкой на шее. Он повесился когда-то под академическим куполом.

В Университете, в юридическом кабинете, где дверь была обита по-старинному войлоком, видели будто бы тень одного придворного, казненного когда-то и за что-то Петром тут же на площади, перед коллегиями.

Каждое петербургское казенное строение, казармы, корпуса, старинные дома словно бы были заселены нежитью, которая касалась всех нас, живых, и все чувствовали ее. Я вспоминаю, как дочь одного сторожа Академии художеств, Клавдия Ступишина, осталась навсегда косноязычной, испугавшись кого-то или чего-то в потемках академического коридора.

Страх – вот основное чувство нашего детства, страх перед необъяснимым, потусторонним, страх перед нежитью, которая шевелилась вокруг.

Я вспоминаю мой детский страх перед мертвецами. В Академии художеств умер истопник Мосягин, лысый и тощий старик, с горящими глазами, похожий на Ивана Грозного и на Кощея. Мы трепетали перед ним, он не любил детей. Целые месяцы мы точно знали, как мертвый истопник Мосягин ходит по всем академическим коридорам и подвалам. Я, как и другие, не раз содрогался и обомлевал от ужаса: в потемках мне мерещились горящие мосягинские глаза.

Вспоминаю я еще одну приметку: чтобы не страшиться

мертвеца, надо было тронуть его за палец, в гробу. Я помню, как на нашем дворе умерла чья-то маленькая девочка и я пошел потягать ее за палец. Она лежала в крошечном газетовом гробу, синяя, с синими ручками, скрещенными под полупрозрачным газом. Она не была страшной, но я так и не тронул ее за крошечный синий мизинец. Нежить давно заселяла наш город. Людовик XVIII в бытность свою в Митаве, в гостях у императора Павла Петровича, еще в 1797 году записал в свой дневник совершенно странный рассказ о привидении в Зимнем дворце.

В ночь на 3 ноября 1796 фрейлина, бывшая на дежурстве у спальни императрицы, увидела привидение, которое величественно плыло по воздуху в тронное зало.

Разбудили людей, проснулась сама государыня и пожелала пройти в тронную.

Там, на темном троне, колебалось как бы зеленоватое пятно света. Екатерина с недоверчивой усмешкой быстро направилась к трону, и тогда увидели все, как поднялась сквозящая зеленоватым светом страшная старуха, двойник самой Екатерины. Видение медленно сошло по ступенькам и двинулось к государыне.

– Смерть, смерть! – глухо вскрикнула Екатерина и без памяти опустилась на паркет.

Ее поспешно вынесли из тронной, зало заперли. А через три дня государыня скончалась.

Ту же старуху в мантии, двойник Екатерины, за несколько

дней до своей смерти, видел император Павел Петрович.

В туманную оттепель, рано утром он был на верховой прогулке в Летнем саду с обершталмейстером Мухановым.

– Прочь! – внезапно крикнул кому-то Павел в туман. Муханов подскочил к государю. В тумане никого не было.

– Вам что-то померещилось, ваше величество?

– Старуха... В мантии, – крикнул Павел. – Я задыхаюсь, Муханов, я не могу вздохнуть, будто меня душат.

Через несколько дней государя Павла Петровича задушили.

В Эрмитаже, который был соединен с Зимним дворцом потайной железной дверью, показывался, как помнят петербуржцы, тот же призрак страшной старухи.

А в Инженерном замке – это известно всем – появлялось привидение задушенного императора. В полночь Павел I стоял у окна в Летний сад, откуда пробрались к нему заговорщики.

Я не знаю, было ли так в других русских городах и водились ли привидения в Москве, но в Петербурге в те зловеще-тихие девятисотые годы безмолвным страхом перед нежитью, вот-вот уже готовый прорваться, были охвачены все, кого я знал в моем детстве, – старые сторожа и старые солдаты, суровые служаки, ночные часовые у пороховых погребов и цейхгаузов, мерзшие в своих кенгах на полковых пустырях, моя мать, отец, мои старшие сестры и мои сверстники.

Нежить уже готова была затопить все, вытеснить нас, живых, погасить, смести нашу живую и простую жизнь. И страх, которым были охвачены все, был, кажется мне теперь, предчувствием такого воплощения нежити.

И вот она воплотилась, вот прорвалась в нашу простую жизнь, погасила Петербург и смела дотла все и нас всех.

И я теперь понимаю, что тот опустевший дом, с пыльными окнами, тот вымерший дом, в оживленном косяке домов, на оживленной петербургской набережной, – дом, стоявший в смертном запустении, с ужасной тишиной на околдованном дворе, заросшем темным крапивником, – был знаком судьбы Петербурга и нашей судьбы, петербургских детей.

Я думаю, что теперь наш страх преодолен, побежден: никого не пугают больше нежить и страшилища, воплотившиеся в России.

И если хорошо подумать, какой простой, какой сильной и сказочной может еще открыться наша судьба: наша судьба только в том, чтобы заселился живыми тот заколдованный петербургский двор, чтобы сросся, как обрызганный живой водой, тот косяк домов у Николаевского моста и оказались бы на углах новые «Бликкен и Робинзон» и «Конради», пароходы задымили бы у пристаней «Виндава-Либава», шлюпки с матросами, кинувшими весла вверх крыльями, подлетали бы к плоту, а на набережной, у мешков и бочек, пахло бы разлитым маслом, свежим ветром, водою, кокосом, пенькой и брезентами...